

ЛЕЙБ-ГВАРДИИ СЕМЕНОВЦЫ

Написать о Лейб-гвардии Семеновском полку, да еще в печатное издание, выходящее на смоленской земле, меня заставило то, что в Семеновском полку служили многие смоляне, в том числе и вязьмичи. Я сам родился на Смоленщине. Многие поколения предков моей матери Роговой Анны Васильевны жили в Вязьме, а родоначальник их славного рода казачий атаман Влас Никитович Баврин приобрел пустошь Бозню у царя Алексея Михайловича. На этой земле и сейчас живут и Роговы, и Баврины. Многие их поколения служили родине с оружием в руках, как казаки, но некоторые служили и в гвардии, в том числе и в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1820 году лейб-гвардии Семеновский полк в Петербурге восстал. Восстание подавили, полк расформировали. Его подразделения и отдельные воины были развезены по России. Некоторые его подразделения попали на Украину. В 1826 году они снова восстали, на этот раз в составе Черниговского полка. После подавления восстания Черниговского полка были наказаны его участники. В их числе были уроженцы Бозни Филипп Рогов и Дмитрий Баврин. Это родня моей матери. Но одновременно с ними за участие в восстании были наказаны и предки моего отца. В их числе старший унтер-офицер Миров Кучерявый, Кучеринский тож (наша фамилия тогда не писалась еще Кучеренко). Он, как и предки моей матери, служил в лейб-гвардии Семеновском полку. После его расформирования отправлен служить на Украину. Удивительно, что предки и моей матери, и моего отца служили вместе, вместе дважды восставали против самодержавия. Хотя предки моего отца - донские казаки из слободы Ново-Павловки Таганрогского округа Области Всевеликого Войска Донского, но и ему пришлось служить и воевать на Смоленщине.

Интересно узнать, как высоко поднимались по служебной лестнице в Семеновском полку потомственные семеновцы? Роговы-Кучеренко-Краснобаевы-Баврины? Оказывается, очень высоко поднимались. Последним командиром Семеновского полка служил Агданович Н.В., лейб-гвардии полковник. Он родом со Смоленщины. В нескольких уездах были его имени. Если учесть, что чины в лейб-гвардии Семеновском полку были на два чина выше, чем в армии, то легко видеть, что чин полковника лейб-гвардии Агдановича равнялся чину генерал-лейтенанта армии. При переходе на службу из гвардии в армию чины у переводимого повышали на два ранга. Только при расформировании Семеновского полка после восстания в 1820 году все воины были переведены в армию без повышения в чине. Но это было сделано в наказание.

Как видим, последний командир полка перед его расформированием был смоленский уроженец. Он был еще родственником и Бавриных, и Роговых, и Кучеренко. Конечно, на родовой карьере Роговых-Кучеренко-Бавриных отразилось и двойное участие их в восстаниях, и припомнили

им и участие в попытке убить во время коронации 1826 года Николая I одним из руководителей этой попытки был студент МГУ Алексей Погов. Припомнили им и участие в движении народников, и в революции 1905-1907 годов. И тем не менее, их родственник Агданович оказался на высшей ступени царской чиновной пирамиды. Как видим, наши земляки занимали очень высокое положение в лейб-гвардии Семеновском полку. Мой отец в 1923 году был переведен с 86 полком имени Володарского служить в Вязьму. Полком командовал будущий генерал-лейтенант Яковлев В.Ф. Полк входил в состав 21 дивизии, которой командовал будущий маршал Малиновский Р.Я. Штаб дивизии стоял в Вязьме. На смоленской земле служил отец в 1943 году, освобождал Рославль и Смоленск.

Как лейб-гвардии семеновцы себе смену готовили

В семеновский полк принимали личный состав со всей России без ограничения по национальности и вероисповеданию: были в полку и русские, и украинцы, и поляки, и немцы, и евреи, многие другие. Но для солдат были ограничения: солдаты должны были быть высокими, синеглазыми броне-тами. За 234 года существования полка выросли целые династии солдат и офицеров. Из такой династии вышел А.В. Суворов. Принадлежали к такой династии и предки моего отца по его матери - их фамилия Краснобаевы. Мой отец родился похожим на свою мать синеглазым броне-тамом. Краснобаевы дали несколько поколений семеновцев. Служба для них в Семеновском полку была наследственная. Новорожденного мальчика записывали в полк рядовым. При этом не задумывались, а будет ли он похож в будущем на семеновца. Раз он Краснобаев, то он породистый семеновец. Уже пятилетний мальчик знал, кто из молодых семеновцев, его земляков, служивших в далеком Петербурге, останется на сверхсрочную службу и будет фельдфебелем той роты, в которой ему через 15 лет придется служить. Поэтому, когда будущий фельдфебель приезжал на побывку домой в Ново-Павловку или Бозню, к нему родители посылали пятилетнего малыша представиться: в кулачке он нес серебряный полтинник, а в другой ручонке - полбутылки водки. И попробуй не принеси: потом своего земляка-родственника фельдфебель в бараний рог согнет на службе. Но некоторые предпочитали не иметь дела со своим родственником-фельдфебелем, а сразу по прибытии в полк поступали в полковую школу по подготовке унтер-офицеров. В ту самую, которую окончил А.В. Суворов, и которая была его единственным военным образованием. Ее оканчивали старшими унтер-офицерами. Это соответствовало чину подпоручика в армии. Пятилетний будущий семеновец был должен продемонстрировать своему будущему фельдфебелю не только полрубля и полбутылки, но и отличную строевую выправку и правильно отрапортовать, кто именно явился с подношениями: и себя назвать правильно, и правильно обратиться к старшему. Поэтому мальчиков учили военному делу буквально с пеленок. Иначе солдат-отпускник и от подношения откажется, и ремнем отстегает «неука», и начнет сам муштровать, не взирая на свой отпуск. Учить потомственные

семеновцы! военному делу умели и любили. Меня, например, обучила стрелять из винтовки моя мама Рогова Анна Васильевна в 1932 г. Она была командиром запаса. Винтовка была игрушечная. Стреляла палочкой. Когда я был студентом, о моих успехах по стрельбе писала областная газета. Учение пошло впрок. Эти традиции не умерли и сейчас: меня в 1995 г. разыскал и приехал ко мне мой родственник, правнук Агдановича Н.В. - последнего командира Семеновского полка - Фомин С.В.: семеновские потомки отыскивают друг друга и сейчас. Поддерживали друг друга старые семеновцы и во время войны. Мой отец Иван Иванович Кучеренко долгие годы был заместителем начальника штаба отдела кадров Приволжского военного округа. Весной 1944 г. к нему на прием пришел полковник Востриков Александр Васильевич после излечения в госпитале. Мой отец знал его еще по фронту под Старой Руссой. Это был бывший поручик лейб-гвардии Семеновского полка, командир взвода. Он был участником I мировой и Гражданской войн. Мой отец оставил Вострикова служить при штабе округа и добился назначения его в свой же отдел кадров. Так старый семеновец полковник Востриков стал сослуживцем моего отца и нашим соседом по двору. Наш двор особенный. Он примыкает к зданию штаба округа, а живут в домах, его окружающих, офицеры и генералы штаба.

Когда закончилась война, полковник Востриков вышел в отставку. Однажды он пришел во двор и увидел любопытную картину: человек 15 мальчиков и девочек лет 7-9 построились в колонну по два (дети военных это умеют делать) и шли, печатая шаг под песню:

*Раз, два, три,
Октябрята мы!
Папы с мамой не боимся!
Писаем в штаны!*

Офицеры нашего двора мельком взглянули на колонну, удовлетворенно кивнули головами: мол, молодцы! Отрабатывают строевую подготовку! А их жены разогнали колонны: мол, какую гадость поют дети!

Но каждый семеновец в душе педагог! А полковник Востриков был великий педагог, и не потому только, что до войны он был военруком в педучилище, но и потому, что имел большой талант к педагогике! Он сразу увидел в этой «потешной» колонне тягу ребят, да еще наследственную, к военному делу, а в репертуаре их песен разглядел большую заброшенность в воспитании этих детей. И полковник забросил свои домашние дела, дачные и огородные дела, а занялся воспитанием детей нашего двора. Он начал организовывать дошкольников: настоящих октябрят организуют в школе, а дошколята никем не организованы. Из дошколят полковник организовал отряд «Дружных». В подвале одного из домов с помощью домоуправления полковник отремонтировал пустовавшую кладовку и организовал там штаб отряда. Приобрели барабан и горн. И началась увлекательная работа. Главное в методах Вострикова было: развивать наклонности ребят, а не выбивать из них их стремления, не перевоспитывать, а воспитывать. В этом коренное отличие методов старых семеновцев и методов советской педагогики. Летом пришли в отряд младшие школьники. Ребята

полковник научил плавать, стрелять из пневматической винтовки. А какие увлекательные экскурсии были организованы: и в краеведческий музей (до него 100 метров), и во дворец пионеров (до него 250 метров).

Шли годы. Подрастали «дружные». И экскурсии были уже на военный аэродром, в танковый полк, в батальон связи.

Но здесь вышел в отставку по возрасту и мой отец, который был моложе Александра Васильевича на 9 лет. И мой отец тоже был, как потомок семеновцев, педагогом, и тоже великим педагогом.

Он воспользовался тем, что его дети (трое) училась в школе № 6, расположенной через дорогу от нашего двора. Хотя и у него, как и у Вострикова, была дача, и дел на ней было невпроворот, отец стал председателем родительского комитета школы № 6. Подраставшие «дружные» полковника Вострикова попадали в школу и № 6, а там их принимал мой отец. Он сразу же военный кабинет нашей школы (и я ее тоже окончил в 1946 году, потому и называю ее нашей) оснастил современными средствами связи, и автомобилями, и станками. И не только на экскурсии он стал их водить, а организовал для ребят на территории Куйбышевского СХИ настоящий пионерский лагерь. Этот лагерь напоминал военный - ребята жили в военных палатках, а не в пустовавших летом общежитиях сельхозинститута.

Прошедшие через отряд «Дружных» и такой пионерский лагерь дети военных тоже становилась военными: был военным моряком мой брат Александр, стал генералом мой сын Михаил.

Но мой отец педагогом стал еще в далекие довоенные времена. В 1930 году наша семья сняла квартиру у вдовы вахмистра Жамойды Е.И. Ее младший сын Коля сразу же приобрел в лице моего отца и своего нового отца. Жили мы тогда во Ржеве, в военном городке. Сколько внимания Коле, сыну потомственного военного, уделял мой отец! И добился своего: Коля в июне 1941 года стал курсантом Ленинградского училища связи. А до этого он прошел всю финскую войну. Моя мама Рогова Анна Васильевна была учительницей истории в железнодорожной школе № 1 во Ржеве. Коля учился у нее. После окончания семилетки поступил учеником токаря в часть, где служил мой отец. Это была дорога многих маминых учеников. Отец за год, а то и за два, до окончания семилетки, начинал готовить их к поступлению в нашу часть.

Дома меня в 1931-32 годах оставлять было частенько не с кем. Поэтому мама иногда брала к себе на работу в школу. У меня сразу же, у четырехлетнего, завелись друзья-семиклассники. Когда мой отец посмотрел, кто же стал моими друзьями, ему стало не по себе. Ко мне с того времени тянулись убийцы, особенно профессиональные. Среди них уже был мой друг и сосед Ваня Савельев. В 1932 году он вышел из тюрьмы, где отсидел срок за умышленное убийство. По непонятным законам психологии почему-то я пользовался на него каким-то странным влиянием. Это сразу заметил мой отец. А когда я подружился с маминым учеником семиклассником Петей Доброхваловым, отец пришел в ужас: Петя тоже был уголовником. Как перевоспитывать сына, к которому тянутся профессиональные убийцы? Изолировать? Именно так и хотела поступить моя мать.

Она была советским педагогом. Окончила вяземскую учительскую семинарию и Смоленский пединститут. Но по-другому решил поступить мой отец. Он был потомственным семеновцем, а потому великим педагогом. Если ко мне тянутся профессиональные убийцы, то это отец решил использовать на благо нашей родины. Но ко мне тянулись не только простые уголовники вроде Вани Савельева (он вскоре после отсидки снова сел. За убийство уже милиционера), но и иностранные шпионы. Вот эти-то симпатии ко мне и сумел умело использовать мой отец. С ним вместе действовали через меня такие прославленные советские разведчики, как майор Рыбин (уже перед войной страна знала его под именем майора Пронина), подполковник Бабенко Н.Н.

Но и симпатии ко мне уголовников умело использовал мой отец. Как-то раз мама взяла меня к себе на урок. «Иди, садись к своему Пете,» - сказала она. Я сел к Пете третьим за парту. У Пети под партией я заметил стальную тросточку. И Петя увидел, что я на тросточку обратил внимания. Петя дал мне ее подержать. Но она, как предмет гражданский, не могла надолго приковать мое внимание. Я обожал все военное. И меня окружали военные предметы, либо переделанные из военных предметов. Мое пальтишко было перешито из папиного френча. А моя кровать была сварена из стальных дровков казачьих пик. Рама велосипеда, на котором меня возил отец, тоже. А особенно хорош был велосипедный насос: его шток был изготовлен из ствола пулемета «Льюиса». Если его разобрать, то внутри штока можно было видеть еще нарезки.

Во время ответа одной из учениц я рассмеялся: она дельфинами обозвала гвельфы. Мама меня поставила за это в угол. В угол я пошел, прихватив с собой Петину тросточку. Стоя в углу, я заметил, что у тросточки изогнутая рукоятка, а под ней что-то похожее на спусковой крючок. «О, это что-то военное,» - обрадовался я. Я прицелился из этой тросточки, как из пистолета, и нажал на спусковой крючок. Ребята дружно рассмеялись. Этот смех заглушил лязг металла: под действием скрытой пружины соскочила стальная трубка с тросточки. А под ней оказался у меня стальной граненый клинок - внутренняя часть этой «тросточки». Я до сих пор не могу понять, как я сообразил, что мне делать. Я кинулся поднимать трубку-ножны, схватил ее и засунул в нее клинок. Сработала какая-то защелка. Когда моя мама обернулась ко мне, я как ни в чем ни бывало стоял в углу и держал тросточку в положении «к ноге». Петька одобрительно показал мне большой палец. Мне очень захотелось такую военную игрушку оставить себе. Но ее в перемену у меня выпросил Петька.

Моя мама еще во время учебного года познакомилась отца с Петькой, рассказала отцу, что Петька - сирота фронтовика Мировой войны. Мать - проводница пассажирского поезда. Во время поездок матери Петька по несколько дней жил один. Папа решил, что Петьку надо спасти от улицы. Но оказалось, что было уже поздно: надо было уже спасти улицу от Петьки, таково было положение.

Отец заметил, что Петька интересуется футболом. И отец стал брать

мальчика на тренировки. Во время матчей Петька подавал мячи из аута, а позднее стал боковым судьей. Шли годы. Подрастал Петька. И его стали брать запасным игроком, а потом он стал играть и в основном составе. Как-то во время матча на первенство города игрок противной команды фабрики колодок грубо ударил моего отца, капитана нашей команды, по ноге. Отец поле не покинул. Хромал, но играл. Петька это увидел, подошел к игроку, который ударил отца, и что-то ему сказал. После этого этот игрок начал избегать отца, отдавать ему мячи. В перерыв отец отошел в сторону и стал осматривать ногу. И услышал разговор двух болельщиков чужой команды. «Почему наши проигрывают?» - спросил один. «Да потому, что наш Васька ударил чужого игрока. А Петька ему сказал, что после игры его за это он зарежет. Ведь главарь банды, в которую входит Петька, их капитан команды. Черненко, с усиками. Вот и бегает от этого с усиками все наши ребята. Отдают ему мячи». Отец, слушая этот разговор, похолодел: в нашей команде он был один с усиками. Подозвал к себе Петьку. «Запомнил Ваську, который меня ударил?» - спросил отец. «Да, товарищ начальник, - ответил Петька. - Он до утра не доживет: ему перо в бок и в Волгу». Отец подумал: «Только не хватало, чтобы из-за него, военного коменданта города, убили человека.» Он сказал Пете: «Петя, это игра. Во время игры всякое бывает. Приказываю тебе Ваську не трогать!» «Хорошо,» - нехотя согласился Петька.

Через несколько дней надо было ехать играть к город Зубцов. Сбор на пристани в 4.00. Вся команда была в сборе, но Петька опаздывал. Жил он рядом. Отец, оставив старшего, пошел к нему домой. Возле Петькиного дома отец услышал какие-то странные всхлипывающие звуки. Побежал на них. На ступеньках крыльца сидела плачущая Петькина мать. Возле нее лежал окровавленный Петька. Отец побежал в скорую помощь, вызвал машину, сдал на нее Петьку, а сам умчался на пристань отправить команду, чтобыплыли без него. На игру отец приехал на машине.

А перед игрой пришлось дежурить возле операционной, где врачи спасли жизнь Петьке: у него было проникающее ножевое ранение грудной клетки. Петьку спасли. Оказалось, что Петька был главой крупной банды, терроризировавшей Подмоскovie и столицу. Но у Петьки замыслы были наполеоновские. Он стал прибирать к своим рукам и Ленинград. Московских главарей уголовного мира он уже ликвидировал. К нему делить сферы влияния приехал из Ленинграда главарь уголовного мира. Но Петька застрелил питерского главаря, но один из охранников убитого ранил ножом Петьку. Раненый Петька, теряя сознание, застрелил этого телохранителя. Еще двоих уложили Петькины дружки.

От суда Петьку спасло то, что судимостей и приводов в милицию Петька не имел, а застреленный им питерский главарь и его дружки имели их множество, спасло и заступничество отца.

После больницы по рекомендации моего отца Петька поступил в танковое училище в один из городов Поволжья. Успешно его окончил. Женился.

Много лет я не видел моего друга. Но летом 1938 года я прочитал статью о танкисте республиканской армии, который раненый один остался в

живых в подбитом танке на территории фашистов Педро, так его звали в статье, очнулся оттого, что фашисты залезли на танк и пытались открыть люк башни. Педро вырвал чеку из гранаты и выбросил ее из башни через специальную амбразуру. Взрыв смел фашистов с брони. Педро потерял сознание. Очнулся от сильного удара о броню. Это фашисты выкатили противотанковое орудие на прямую наводку и ударили по танку. Броня выдержала. Очнувшийся от удара Педро выстрелом из башенного орудия уничтожил пушку. Фашисты стали выкатывать второе. Но и его уничтожил Педро. Стали фашисты выкатывать целую батарею. Понял Педро, что с целой батареей ему не справиться. Он сообразил, что ему делать: он по радио вызвал огонь республиканской артиллерии на фашистские орудия. Орудия были уничтожены. Полтора суток Педро держался в подбитом танке. Днем броня раскалялась. Не было воды. Но по радио он корректировал огонь республиканской артиллерии. Он так надоел фашистам, что они отступили. Танк Педро оказался на республиканской территории.

Осень 1938 года. Профсоюзная конференция нашего военного завода. Мой отец, кадровый военный, заодно еще и председатель завкома. Из президиума его вызвали на проходную. Отец увидел на проходной наголо остриженного Петьку, ссутулившегося, похудевшего. Машинально подумал: Петьку, видимо, посадили в прошлом году (в прошлом году многие пострадали по делу Тухачевского). Сейчас выпустили. Да и одет он не по форме: в кожаной куртке на «молнии». «Здравствуй, Петя, - сказал отец. - Ты, что, с отсидки?» «Да Вы что, товарищ начальник? - возмутился Петька. Он расстегнул «молнию», снял куртку. Под ней была одета военная форма танкиста республиканской армии. На груди среди республиканских наград сияли два новеньких ордена Красного Знамени - высших военных ордена нашей Родины 30-х годов. Это и был тот самый Педро, о котором писала «Правда». Педро сразу проводили в зал заседаний и он рассказал о боях в Испании.

А через год я на уроке в классе писал изложение о боевых делах своего друга-танкиста Петра. Статья из «Правды» о Педро была теперь помещена в сборник статей для изложений для 4 класса. Из моих одноклассников только я один знал, кто такой испанец Педро. Об участии наших воинов в боях в Испании писать было не принято.

Но не только футболом умел мой отец привлечь к себе души детей. Он, отличный музыкант, игравший на многих струнных музыкальных инструментах, создал при нашей части струнный оркестр и им руководил. Через увлечение музыкой попала в его поле зрения мамина ученица Нина Белинова. Она отлично играла на фортепиано. Во время Великой Отечественной войны она была советской разведчицей и действовала на территории Германии. Войну закончила с двумя боевыми орденами. Двух моих одноклассников он привлек к себе игрой в городки. Один из них уволился из армии полковником. Другой служит генерал-лейтенантом.

Дорога детей, понравившихся моему отцу, лежала в военные училища, академии, к орденам и медалям, к офицерским и генеральским погонам. Да умело семеновцы себе смену готовили!